

МИРОВОЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ В ТРЕУГОЛЬНИКЕ КИТАЙ — США — РОССИЯ

А.Д. Воскресенский

В ходе преодоления последствий экономического кризиса в мире в целом, а также в экономике отдельных стран сложилась новая ситуация, имеющая далеко идущие международно-политические и внутривнутриполитические последствия. Самый яркий пример этому — Греция и некоторые другие «слабые звенья» Европейского Союза.

Несмотря на в целом удачную макроэкономическую политику, направленную на мягкий выход из кризиса с максимальными преимуществами для национальной экономики, Китай в этом вопросе не исключение: экономическая ситуация и конъюнктура мировых рынков для Китая сложные, и это будет иметь в конечном счете политические последствия. В этой ситуации для Китая резко повышается важность его отношений с США и Россией, двумя государствами, играющими в его реальной внешней политике важнейшую роль. Ситуация в экономике США и американский внешнеполитический курс, несмотря на дискуссию об «угасании гегемона» в СМИ, в реальной жизни продолжает определяющим образом влиять как на мировые экономические рынки, так и на мировую геополитическую обстановку, что увеличивает важность как анализа развития ситуации в США для Китая и для России, так и анализа отношений в треугольнике США — Китай — Россия. Китай в 2010 г. становится второй по размеру национальной экономикой мира, обогнав Японию. Россия является единственной региональной ядерной державой, могущей при необходимости проецировать мощь страны фактически на неограниченное расстояние, решать военно-политические задачи выс-

шего уровня полностью самостоятельно и тем самым, при желании, существенно корректировать мировое развитие военно-политическим и, частично, экономическим путем.

Восточноазиатский азимут внешней политики США и китайско-американские отношения. В политике администрации президента Б. Обамы по отношению к Восточной Азии и Китаю, как государству, претендующему на определяющую экономическую роль в развитии региона — мотора мирового экономического развития, есть две стороны: внешняя и внутренняя. Ухудшение китайско-американских отношений в ходе и после визита Б. Обамы в Китай в ноябре 2009 г. произошло в связи с тем, что китайские руководители не поддержали американскую политику в отношении Ирана, освещение визита американского президента в китайских СМИ было подвергнуто цензуре, а китайская нефтяная компания Синопек демонстративно в последний день визита подписала соглашение об освоении иранского нефтяного месторождения Ядавалан. Эти события составляли внешнюю сторону американско-китайских отношений.

Одновременно продолжал расширяться внутренний, более глубокий пласт в конфликтном потенциале США и КНР. В целом последние полгода США и Китай вели игру по вопросу «Большой двойки». Американские политики предложили китайским руководителям сформировать де-факто биполярную конфигурацию мирового управления, вполне возможно, пытаясь структурно направить развитие китайско-американских отношений на рельсы американско-советских

отношений последних лет существования СССР. Китайская политическая элита, в свою очередь, в отличие от политиков СССР, не способных предложить конкурентоспособную экономическую политику, не отказываясь от такой игры, стремилась получить максимум выгод, прежде всего экономических и финансовых, на американском рынке. На раннем, самом тяжелом для США этапе финансового кризиса сбалансированная и в целом сдержанная китайская позиция оказалась крайне важна для поддержания мировой финансово-экономической стабильности, необходимой для того, чтобы не пустить американскую, а за ней и всю западную экономику под откос. На этом этапе дружеские отношения с Китаем были крайне важны для западных экономических и политических кругов. Когда китайская политическая элита поняла, что она больше не дожидается от Запада экономических и политических уступок (в частности, по поводу снятия эмбарго на торговлю оружием со странами ЕС, доступа китайских финансовых институтов на американский и европейский рынки и др.), премьер КНР Вэнь Цзябао в эфире национального телевидения объявил, что Китай не поддерживает идею «Большой двойки» с США.

Структурно ситуация торгово-экономических отношений США и Китая напоминает отношения США с Японией конца 1980-х — начала 1990-х годов. До 1990-х годов на американский рынок поставлялись японские товары, а вырученные за них финансовые ресурсы в значительной части инвестировались в экономику США. Такая ситуация к началу 1990-х годов породила антияпонскую кампанию в США из-за опасений, что японский бизнес «скупит» американскую экономику. В результате политического и экономического нажима США иена была девальвирована и пущена в свободное плавание, а на японском рынке были сняты прямые и косвенные ограничения на продажу иностранных (прежде всего американских) товаров. К середине 1990-х годов проблему Японии как экономического соперника США удалось решить. Судя

по тем мнениям, которые циркулировали в американском аналитическом сообществе в конце 1990-х — начале 2000-х годов, американцы считали, что китайская экономика рано или поздно коллапсирует сама по себе. Однако этого не случилось.

В 1990-е годы в американскую экономику пришли огромные китайские деньги, которые Китай выручал за проданные в США китайские товары и вкладывал в американские казначейские обязательства. Такого рода финансовые вливания были не только китайскими, шли они и из развивающихся и нефтеэкспортирующих стран либо стран с нестабильными экономическими и политическими режимами (по некоторым оценкам, из этих стран поступало в США примерно 700 млрд долл. ежегодно в течение десяти лет), но китайские деньги в этом потоке стали составлять львиную долю. Это дало возможность американским банкам давать жилье бедным через дешевую ипотеку и поддерживать при Президенте У. Клинтоне имидж американской экономики как самой богатой и динамично развивающейся, что хорошо корреспондировало с концепцией либеральной модели, американская версия которой предлагалась всему миру в качестве панацеи от экономических бед. Американские финансовые компании в 1990-х годах зарабатывали, покупая недооцененные стратегические активы по всему миру, и прежде всего в странах, отпавших от советского блока, и бывших республиках СССР, реструктурируя и перепродавая их (к примеру, стоимость Газпрома в 2000 г. была 14 млрд долл. США, а в 2007-м уже 300 млрд). Эта экономическая модель к концу 1990-х годов перестала работать: китайцы, имеющие нарастающий профицит в торговле с США, несмотря на американское давление, отказывались существенным образом ревальвировать юань и продолжали продавать в США все большую номенклатуру товаров, получая за это все большие деньги (объем китайско-американской торговли превысил 400 млрд долл.), которые направлялись потом в США на покупку казначейских обязательств (были куплены китайцами на сумму от 1 трлн до

3 трлн долл., по разным оценкам), а крупные страны с недооцененными активами (страны БРИК, некоторые страны Латинской Америки и др.) запретили их скупку по заниженным ценам с последующей перепродажей. Таким образом, возник дисбаланс в мировой экономике, который экономика США уже не могла абсорбировать (к 1998 г. дефицит экономики США достиг 6% ВВП). Далее стали играть решающую роль собственно финансовые и экономические внутриамериканские проблемы, которые и привели к финансовому кризису сначала в США, а потом по цепочке от самой сильной экономики они перекинулись на более слабые, слабые и зависимые экономики мира. Таким образом, роль китайского фактора в финансово-экономическом кризисе значительно больше, чем обычно об этом пишется. В Китае, кстати, это хорошо понимают, поскольку именно китайские аналитики заговорили, что кризис — новое оружие США, направленное против китайской экономики. Потом, когда стало ясно, что американская экономика страдает от кризиса сильнее, чем предполагалось, китайские аналитики перестали об этом говорить и писать, а американские политические деятели разного уровня стали утверждать, что Китай, демпингуя и занижая стоимость юаня, получил нечестный финансовый ресурс, влил огромные суммы денег в США и дестабилизировал американскую, а потом и мировую экономику.

К этому моменту финансово-экономические отношения между двумя странами стали настолько взаимосвязанными, что американские финансовые круги были вынуждены пустить на свой банковский рынок китайские финансово-инвестиционные фонды и разрешили им покупать мелкие и средние банки. Кроме того, было достигнуто взаимопонимание по вопросу о том, что китайцы продолжат покупать американские казначейские обязательства, а США не станут активно противодействовать начавшейся скупке Китаем ресурсов и предприятий во всем мире, поскольку это уменьшало приток долларов в экономику США

и подкрепляло роль доллара как мировой валюты. Африканская и центральноазиатская ресурсная политика Китая в связи с этим получила новую динамику. То есть в самый острый и сложный момент кризиса между западной и китайской политической элитой было достигнуто неформальное взаимопонимание, в соответствии с которым китайские компании без какого-либо существенного противодействия американской и европейской финансовой и внешнеполитической элиты стали проводить экспансионистскую экономическую политику на латиноамериканских, центральноазиатских и африканских рынках, фактически гарантировав, что Китай своей финансово-экономической политикой не будет ухудшать макроэкономическую ситуацию в мире и особенно ситуацию на финансовом рынке США. С этого момента Китай и начал проводить активную политику инвестирования по всему миру, в Азии, Африке и т.д. Кроме того, у Китая были надежды, что согласие пустить китайских финансистов, как в свое время японских, на банковский рынок США даст новый уровень взаимоотношений и соответственно влияния на Соединенные Штаты. Но первый же китайский финансово-инвестиционный фонд, который купил ряд средних банков США, обанкротился, так как не потянул «плохие» американские ипотечные кредиты. После этого китайским финансистам стало ясно, что они не смогут на внутреннем рынке США играть такую же роль, как японские.

К этому времени финансовый кризис вошел в контролируемую фазу, соответственно политика обеих сторон по отношению друг к другу ужесточилась: американцы испугались дальнейшего усиления Китая за счет «экономического приобретения» Тайваня и санкционировали продажу тайваньцам вооружений на сумму 6,4 млрд долл., а Китай остро на это отреагировал, прервав на время военные связи с США и пригрозив инициировать экономические санкции против американских фирм, участвующих в программе поставок американских вооружений Тайваню, инициировал экономическое соглашение

с тайваньским президентом Ма Инцзю и стал уменьшать долларовые активы.

Разрабатывая и предлагая Китаю концепцию «Большой двойки», американские эксперты исходили из того, что в Китае существует влиятельнейшая внешнеполитическая школа, которая обсуждает эту идею более 10 лет и считает двусторонние отношения США — КНР самыми важными двусторонними отношениями в мире. Когда американцы заговорили о «Большой двойке», они опирались именно на эту точку зрения ряда китайских аналитиков и дипломатов. Такая постановка вопроса, в свою очередь, обеспокоила российских экспертов, которые справедливо увидели в этом опасность маргинализации российско-американских и российско-китайских отношений. Разработав идею «Большой двойки», внешнеполитический истеблишмент КНР поставил практическую задачу реально достигнуть такого уровня отношений с США.

Вообще говоря, концепция «Большой двойки» является логичным развитием политико-экономической концепции, в соответствии с которой особые стратегические, военно-политические и/или экономические отношения с государством-гегемоном международной системы неизбежно повышают международный статус государства-антагониста или государства-партнера гегемона, особенно в однополярной системе координат. Однако, если советская политическая элита особые стратегические отношения с США (военно-стратегический паритет) закрепила в форме антагонистического военного противостояния и гонки вооружений, истощивших страну и приведших ее к полномасштабному политико-экономическому кризису и полному коллапсу, а после образования России на развалинах СССР особые военно-стратегические отношения с США не смогла преобразовать в полноценное российско-американское партнерство из-за продолжающегося внутриполитического раскола и борьбы за власть, еще больше ослаблявших страну, и сильнейшего влияния антиамериканского

лобби в структурах военно-политического комплекса, продолжающего рассматривать США как непосредственного военно-политического соперника России, то Китаю удалось не только сформировать внутривнутриполитический консенсус по вопросу о необходимости построения особых отношений с США и придать особый характер китайско-американским торгово-экономическим отношениям, но и фактически перевести их в формат китайско-американской финансово-экономической взаимозависимости, а затем на этой основе взрастить вторую по размеру национальную экономику мира, до того, как американцы поняли всю серьезность происходящих в мире изменений и попытались разрешить китайско-американские противоречия в рамках предложенной уже ими самими концепции «Большой двойки».

Похожая, но прямо противоположная ситуация сложилась с идеей полицентричного (в другой терминологии — многополярного) мира, которая была изначально сформулирована китайцами еще в 1970-х годах. После долгого обсуждения эту концепцию в 1990-х годах китайцы предложили части российских внешнеполитических аналитиков и дипломатов, которые ее приняли, в свою очередь, предложили китайцам, а китайцы с ней согласились, поскольку она изначально соответствовала их пониманию того направления, в котором следует подталкивать эволюцию российской дипломатии, которая должна, по замыслу китайских политиков, активно противодействовать США, отсрочить или смирить напряженность в китайско-американских экономических отношениях путем переключения внимания американского истеблишмента на американо-российские геополитические противоречия и проблемы безопасности и дать Китаю возможность накапливать силы.

Поначалу американцы планировали сформировать «Большую восьмерку» и «растворить» в этой новой неформальной организации Китай, но ужесточение совместной позиции России и Китая против США и стран Запада, быстрое усиление

Китая в последние годы, отсутствие понимания, как влиять на Китай, и замаячивший финансовый кризис заставили «переклеститься» на идею «Большой двойки», а потом, когда это не получилось, «двадцатки» (G-20), в рамках которой проще формулировать повестку дня, отражающую интересы прежде всего США и стран Запада, имеющих высокосоординированную позицию по большинству важнейших вопросов, и предложить эту повестку другим членам этой неформальной организации, степень координации политики которых неизмеримо меньше. Таким образом, «Большая двойка G-2» — это попытка предложить новую конструкцию «перестройки» мира, в ходе осуществления которой США могут попытаться переиграть Китай, а если не получится, то сформировать с ним новый биполярный порядок, как в свое время с СССР.

США, Китай и Восточная Азия. В целом Восточная Азия и Китай уходят как бы на второй план в американских внешнеполитических документах и расчетах после событий «9/11». Одновременно проблематика роли Восточной Азии в международных отношениях никуда не исчезала, но заниматься одновременно международным/исламским терроризмом и Восточной Азией, и Китаем даже США было невозможно. Поэтому были брошены силы на самую острую на тот момент проблему — мусульманский вызов контролируемому США мировому порядку. Эта проблема в настоящее время в принципе США решена, т.е. она институализирована и поставлена в рамки, которые позволяют американцам выйти из кризиса, этот кризис стал для США контролируемым и управляемым, но в ходе решения этой проблемы и развернувшегося экономического кризиса мир де-факто стал полицентричным, а Восточная Азия стала превращаться в новый центр мирового индустриального развития. Значение для США Восточной Азии, кстати, также косвенно связано с мусульманским миром, так как именно в Восточной Азии находится крупнейшая мусульманская страна — Индонезия. Она важна для

США, поскольку в Индонезии существует «мягкая» версия ислама, и ислам там эволюционирует в такую форму, которая приемлема для Запада в целом и для США в частности.

Следовательно, роль Восточной Азии для США будет увеличиваться, потому что Соединенные Штаты после Второй мировой войны там доминировали, и отказываться от этого им вряд ли захочется, особенно в связи с расширением влияния в этом регионе китайских интересов. Тихоокеанские торгово-экономические связи США ныне превысили объем трансатлантических связей. Экспорт США только в страны Восточной Азии (исключая Китай) составляет примерно 320 млрд долл. Важно также отметить, что президент Б. Обама заявил, что он первый тихоокеанский президент Соединенных Штатов. Кроме того, в Восточной Азии, самом экономически динамично развивающемся регионе мира, находится Китай, который начал форматировать пространство вокруг себя, усиливая свою мощь через экономический контроль над Восточной Азией. Американских экспертов стали беспокоить две тенденции: увеличение размеров китайской экономики, которая, по некоторым оценкам, к 2027 г. (прогноз Goldman Sacks) может сравняться по объему с американской, и то, что рост военных расходов КНР происходит быстрее, чем рост экономики Китая. Это значит, что Китай не просто растет, он растет, а его вооруженные силы получают финансовые ресурсы для модернизации в большем объеме, чем страна в целом, но это мало сказывается на уровне жизни населения и возможностях для китайского правительства решать задачи экономической модернизации страны. То есть Китай превращается в одну из самых сильных держав региона в экономическом смысле и одновременно получает возможность проецировать военную мощь вовне, в соответствии со своими экономическими интересами.

Индийская экономика также динамично растет, ее инкорпорирование в восточноазиатскую и мировую экономическую систему самостоятельно, на усло-

виях Соединенных Штатов либо на условиях Китая — также очень важный фактор мирового развития. Далее — Индонезия — крупнейшая мусульманская страна, в которой ислам не мешает политической модернизации, а китайская диаспора составляет важнейшую часть экономики. В Восточной Азии начали интенсифицироваться интеграционные процессы, которые никакой стране, даже Соединенным Штатам, теперь уже невозможно игнорировать.

В целом можно выделить три подхода американских аналитиков и дипломатов к Восточной Азии. Первый условно можно назвать «идеалистическим», он предполагает акцент на многостороннюю дипломатию, на ООН, на глобальные институты регулирования, «честные сделки» с теми странами, с которыми отношения не очень получаются, многостороннее сотрудничество в области безопасности и т.д.

Второй подход условно можно назвать «профессионально-прагматическим». Он лучше всего проработан, особенно республиканской администрацией. Этому подходу свойственен акцент на построение продуктивных рабочих отношений с мусульманским миром, с азиатскими странами, акцент на усиление международной озабоченности по поводу проблем ядерного распространения. При таком подходе артикулируется необходимость защиты демократических ценностей, атаки на бедность, решения глобальных вопросов. В этом подходе неизбежно будут фиксироваться четыре долгосрочные позиции: американское лидерство как «честное брокерство»; акцентирование японской и китайской проблем (контроль над милитаризацией Японии и кризисным развитием Тайваньского вопроса); «тройное сдерживание» — России, Китая, Японии; сложная и многоплановая стратегия по контролю над подъемом Китая, т.е. создание условий для форматирования подъема Китая в благоприятном для США направлении.

Третий подход можно условно обозначить как «идеологический». Он предполагает акцент на новом идеологическом

соревновании, столкновении конкурирующих форм правления, региональной дипломатии, региональном лоббировании. Администрация Б. Обамы старается эти три подхода инкорпорировать в более или менее цельную общую стратегию (выступление Х. Клинтон в Гонолулу) по четырем основным направлениям:

— усиление взаимоотношений с военно-политическими союзниками США в регионе;

— усиление взаимоотношений с ключевыми региональными игроками, прежде всего Индией;

— повышение эффективности региональных институтов (АПЕК, АСЕАН, АРФ и др.) и ориентация их на решение общих с США целей: усиление стабильности, расширение возможностей для экономического роста, продвижение демократии и защита прав человека;

— усиление безопасности: ядерное нераспространение, разрешение территориальных споров, смягчение военного соревнования в регионе.

При этом все время будут происходить изменения, корректировки и нюансировки — беспрецедентность современного исторического периода и заключается в том, что очень быстро пересматриваются и корректируются положения, которые кажутся сегодня на первый взгляд незыблемыми.

Китайская проблема для США. В восточноазиатской проблематике китайская проблема и для США, и для других стран является центральной, эта проблема не исчезнет, что бы в Китае ни происходило. В этой проблеме кроме внешней и внутренней стороны важны еще несколько аспектов: то, что действительно происходит, как это воспринимается и как это влияет на США. Во внешнеполитическом истеблишменте США пока не выработался консенсус по поводу того, как интерпретировать подъем Китая и в целом Восточной Азии. Есть позиция, фиксирующая, что слабый Китай — это плохо, есть позиция, что сильный Китай — это плохо. Сформулирована позиция, в соответствии с которой подъем Китая — вызов, новый этап соревнования,

конкуренции. У части аналитиков США и партнеров США по соглашениям в области безопасности существуют большие опасения по поводу военной модернизации Китая, на которой они постоянно акцентируют внимание союзников. Однако военный бюджет ближайших азиатских военных стран-союзников, во всяком случае, в тех его параметрах, которые связаны с китайским военным фактором, пока не растет. Политические деятели разного уровня стран военных партнеров США, неоднократно заявляли, что военный бюджет в связи с модернизацией НОАК может быть увеличен (такие заявления делали южнокорейские и австралийские политики), но реального кардинального увеличения военного бюджета и этих стран пока не произошло. Существует также точка зрения, в соответствии с которой Китай вообще не представляет никакой угрозы для Соединенных Штатов. Вышеупомянутые позиции по поводу подъема Китая трансформируются в три разных вывода: Китай растет за счет США, Китай замещает США, Китай на следующие двадцать лет для США никакой угрозы представлять не будет.

В этой связи главный вопрос для США, который влияет и будет влиять на формирование американской концепции безопасности: ослабляются ли связи США со своими ближайшими военно-политическими союзниками в Восточной Азии и не происходит ли замещение этих связей усилением связей с Китаем? В целом пока рано говорить об ослаблении связей США со своими военно-политическими союзниками в Восточной Азии и тем более о замещении их связями с Китаем. Одновременно и усиления Китая за счет Соединенных Штатов не происходит. Ни один ключевой военно-политический партнер США по безопасности в Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Филиппины, Таиланд, Сингапур, Австралия) не рассматривает Китай как военно-политическую альтернативу США. Соединенные Штаты внешнеполитическим истеблишментом и аналитическими кругами стран — военных союзников США (да и всей Восточной Азии в целом) рассматриваются как единственное государство, которое может сба-

лансировать Китай и не допустить его доминирования в регионе.

Одновременно и Соединенные Штаты, и Китай в Восточной Азии стали играть новые роли. И торгово-экономические, и политические связи всех азиатских стран, особенно восточноазиатских, с Китаем динамично нарастают. В целом можно уже говорить о мягкой интеграции Китая и «Большой Восточной Азии». Роль Китая в Восточной Азии увеличивается, но происходит это парадоксальным образом — за счет того, что Соединенные Штаты все последнее время подтверждали гарантии безопасности тем странам, у которых была и существует настороженность в отношении Китая. То есть эти страны развивают свои отношения с Китаем более уверенно за счет того, что гарантии их безопасности со стороны США подтверждены, а в некоторых случаях усилены. Отсюда следствие: появились страны, которые развивают отношения и с Соединенными Штатами, и с Китаем, что дает им больше возможностей развиваться, но не означает абсолютной переориентации этих стран на Китай.

В принципе Китай постепенно увеличивает свое влияние на союзников Соединенных Штатов в Восточной Азии. Действительно, на наших глазах некоторые страны становятся более восприимчивыми к китайским стержневым интересам (*хэсинь либи* / *core interests*) прежде всего по трем вопросам: Тайвань, Тибет и Синьцзян. Китаю удавалось до последнего времени успешно нейтрализовать создание любых, даже неформальных, коалиций, которые были бы направлены против него. Но в целом это оборонительная стратегия. Китайские аналитики внимательно изучили опыт Советского Союза и понимают, что любое перенапряжение сил ни к чему хорошему для страны не приведет. Одновременно, судя по тому направлению, в котором эволюционируют международные отношения, Китай будет вынужден ужесточить свою внешнеполитическую линию, и ему все труднее будет уходить от столкновений с США.

Как можно трактовать увеличение китайского присутствия в Восточной Азии

при таком понимании контекста восточноазиатской ситуации? Прежде всего речь идет об увеличении взаимодействия Китая с восточноазиатскими странами в области торгово-экономических отношений. То есть увеличение интенсивности связей с Китаем не перерастает, пока во всяком случае, в увеличение прямого китайского влияния, прежде всего с точки зрения возможности Китая осуществлять какие-либо политические или еще какие-либо санкции, которые бы полностью изменили внешнеполитическое, либо внутривнутриполитическое поведение восточноазиатских государств. Тем не менее есть страны, которые становятся более восприимчивыми к китайской позиции: страны Центральной Азии, Монголия, частично — Южная Корея, Северная Корея, Вьетнам, Россия. Однако среди этих стран фактически нет военно-политических союзников США, за исключением Южной Кореи. По отношению к Китаю у всех этих стран (за исключением Северной Кореи в силу специфичности ее политического режима) даже при наличии политики официального партнерства или тесного сотрудничества существует в разной степени настороженность либо даже опаска внутри обществ этих стран по отношению к «скрытым» планам Китая, либо внутри этих стран продолжается гласная или негласная дискуссия по поводу того, до какой степени можно позволить сближение с Китаем, чтобы этот процесс не стал неконтролируемым. Кроме того, в любой момент могут быть задействованы финансовые либо другие механизмы, для того чтобы китайское влияние на эти страны ограничить (единственное исключение — Россия).

В целом ситуация в китайско-американских отношениях усложнилась. Американцы не смогли легко, как они думали, экономически «переиграть» Китай, так же как в свое время Японию, заставив японцев сначала ревальвировать, а затем девальвировать иену и открыв японский рынок для более свободной экономической конкуренции. Но такие попытки будут продолжаться, а соответственно косвенные меры давления Соединен-

ных Штатов на Китай усилятся. Одновременно США продолжают политику вовлечения Китая в контролируемые ими сегменты мирового порядка. Попытка создания американо-китайской биполярной системы многими американскими аналитиками рассматривалась как благоприятная для США с двух точек зрения. Во-первых, можно продолжать пытаться воздействовать на Китай, а с другой — биполярное состояние стабильнее, чем многополярное, потому что при биполярности проще решать многие проблемы, хотя бы потому, что с меньшим количеством участников в конечном счете приходится договариваться.

Сделка же с продажей американского вооружения Тайваню связана с тем, что Тайвань, так же как Япония и Южная Корея, стал основным торгово-экономическим партнером Китая. Для Тайваня в силу его особого статуса и относительно небольшого населения сегодня достигнут тот предел, после которого начинается экономическая зависимость от Китая, перерастающая в политическую зависимость и присоединение к Китаю на политико-экономических условиях материковой политической элиты. Оружейная сделка с США была попыткой приостановить дальнейшее развитие китайско-тайваньских экономических и политических связей. Такого рода сделки с Тайванем последние 20 лет имели в значительной степени символически-ограничительный характер: Тайвань проплачивал вооружение, но его поставка откладывалась на срок от 5 до 8 лет либо оно складировалось в США и реально Тайваню могло быть поставлено только в случае очередного обострения отношений с материком. Последняя сделка практически ничем в этом смысле не отличалась, за исключением того, что Китай накопил такую экономическую мощь, что посчитал возможным попробовать изменить существовавшее до этого региональное статус-кво и наложить вето на американско-тайваньские военные связи. Эта попытка, очевидно, не увенчалась успехом.

Следующим объектом проверки прочности экономической системы Ки-

тая станет юань. Если Китай будет вынужден сильно девальвировать юань, то китайская экономика получит удар с непредсказуемыми политическими и политико-экономическими последствиями, поскольку роль внеэкономических рычагов, повышающих экономическую конкурентность, будет если не устранена, то кардинально минимизирована. США также могут понемногу девальвировать доллар, что будет приводить к автоматической постепенной девальвации юаня с теми же последствиями.

Китайский фактор во внешней политике США и перезагрузка российско-американских отношений. Существующая сегодня динамика китайско-американских отношений неизбежно повышает заинтересованность американского внешнеполитического истеблишмента в поиске партнеров для диалога по «китайской проблеме». Связано это прежде всего с тем, что внешнеполитические советники президента США предлагали китайскому руководству сформировать «Большую двойку: Китай — США» для решения мировых проблем, особенно экономических, и особенно в связи с дисбалансом китайско-американской торговли, которая существенно тормозит выздоровление американской экономики и ограничивает американскую экономическую политику. Президент Б. Обама предложил Китаю доктрину «стратегической поддержки» (strategic reassurance), т.е. фактическое стратегическое партнерство. Эта доктрина предполагала, и это было реализовано американцами на практике до визита Б. Обамы в Китай, сворачивание политики по «сдерживанию» Китая, которую проводил президент Дж. Буш-мл. США практически полностью приостановили поставку вооружения Тайваню, вычеркнули Китай из списка стран, манипулирующих валютой, пообещали наложить мораторий на введение протекционистских мер и обещали предоставить Китаю статус «полновесной рыночной экономики» (full market status). Во время визита Б. Обамы в Китай китайское руководство демонстративно отказалось от пар-

тнерства с США, либо не поверив американскому президенту, либо втайне желая «окончательно похоронить» США как мирового лидера. В результате Б. Обама был вынужден вернуться к политике «стратегического соперничества» с Китаем.

США будут осуществлять политику по «сдерживанию» Китая, так как:

Не имели прецедента политического доминирования без экономического лидерства, а утрата и политического доминирования, и экономического лидерства одновременно крайне болезненны для нации, что хорошо показывает опыт Великобритании и СССР.

Китай всерьез начинает восприниматься как вторая экономика мира, а мировое экономическое лидерство США поколеблено, по крайней мере, аргументацией ряда СМИ, акцентирующих внимание на внешних или второстепенных вопросах, формирующих мировое общественное мнение.

США обладают идеологией мессианского типа, а потому не смогут спокойно наблюдать за возвышением авторитарного Китая, представляющего альтернативную американской модель политико-экономического развития.

В целом Китай американским истеблишментом воспринимается пока скорее не как угроза, а как проблема, могущая при ее игнорировании перерасти в угрозу, потому что «закрытый» и непонятный американцам авторитарный Китай слишком «меркантильно» расширяет свое влияние по всему миру и влияет на ориентацию или формирование новых, пусть и второстепенных, факторов, игнорировать которые при нынешнем развитии мировой экономики для США больше не представляется возможным.

Переосмысливая китайскую политику США, президент Б. Обама будет искать союзников и партнеров по диалогу, налаживание отношений с которыми позволило бы снизить экономические издержки США по проведению своей внешнеэкономической политики. В первую очередь такими союзниками являются военно-политические партнеры США, особенно в Азии. В этом контексте повышает-

ся заинтересованность администрации Б. Обамы в том, чтобы расширить число участников мирового диалога по проблемам модернизации и развития, подключив к ней также и государства, опасавшиеся дальнейшего усиления Китая, но не являющиеся при этом союзниками США. Непредвзятая, объективистская позиция России в этом вопросе для Б. Обамы особенно важна из-за ее мирового геополитического веса, стратегического партнерства и многолетнего военного сотрудничества с КНР, позволившего ему сократить примерно на 25 лет свое отставание в военной сфере, а также развивающегося стратегического энергетического и перспективного технологического сотрудничества с Китаем.

Налаживание международного диалога по проблемам модернизации сверхкрупных развивающихся и модернизирующихся стран, включая Китай по обеим сторонам Тайваньского пролива, совпадает с общим стратегическим контекстом мировой политики, а для США усиливается сложной экономической обстановкой, требующей искать партнеров по диалогу с КНР и гармонизировать их отношения со сверхкрупными развивающимися и модернизирующимися странами (БРИК). В то же время ясно, что никакая реальная политическая власть в России при ведении диалога по проблемам модернизации, включая китайскую и российскую, без серьезных причин не захочет рисковать выстроенными за последнее десятилетие особыми доверительными отношениями с китайским руководством.

Ситуация в Китае: финансово-экономические и политические последствия кризиса. Важно понимать, что при всем внешнем благополучии Китая прежде всего финансово-экономическая ситуация, а потом уже другие проблемы, какие бы сложные они ни были (демографические, политические, экологические и др.), определяют на краткосрочную перспективу стабильность страны. В этой ситуации Китаю очень важна Россия, но не только с точки зрения постав-

ки ресурсов, технологий, включая военные, а с точки зрения неформальной политической и дипломатической поддержки. Россия — единственная крупная страна, на которую разные сегменты китайской политической элиты традиционно все еще могут положиться больше, чем на политическую элиту других стран, так как между российской и китайской элитами существует большой уровень взаимопонимания, взаимной рефлексии, тесные исторические связи. В этой ситуации российской политической элите следует закреплять это положение, сохранять и развивать необходимость для Китая иметь тесные дружественные отношения с Россией.

В этой связи необходимо понимать, как Китай финансирует свою модернизацию, насколько стабильно это финансирование и может ли Китай превратиться во второй мировой технологический центр. С 1998 по 2005 г. производство промышленной продукции в США росло на 5% ежегодно, внутренний спрос возрастал на 35%, а импорт на 80%. То есть США за счет роста производства своей промышленной продукции не смогли удовлетворять растущий спрос на нее и были вынуждены ее импортировать. К этому моменту реформы в Китае дали результаты, которые позволили Китаю предоставить США такую возможность, прежде всего в сегменте низкотехнологичной трудозатратной продукции с невысокой, по сравнению с собственно американской продукцией, стоимостью. Полученные от экспорта китайской промышленной продукции, прежде всего в США, а потом и в другие страны Запада, средства были вложены в совершенствование промышленной базы для производства этой продукции, из которой львиная доля снова направлялась на экспорт, прежде всего в США. Потом Китай постепенно сумел повысить технологический уровень своего экспорта в США, а потом и в другие страны мира, которые стали покупать китайскую продукцию, уже утвердившуюся на рынках страны-гегемона, а значит, подтвердившую хорошее соотношение цены и качества. Далее ряд американских,

европейских и японских предприятий были перенесены на территорию Китая, чтобы снизить издержки производства. Производя иностранные товары по лицензии, китайские предприятия параллельно наладили и свое производство товаров, основанное на устаревающих и уже не лицензируемых или же на заимствованных (легально или нелегально) технологиях. К слову, это только экономике США стоило потери примерно 750 тыс. рабочих мест.

В ближайшее время Китай будет обеспокоен не идеей превращения в мифический альтернативный Западу центр технологий, а добывания всеми возможными легальными и нелегальными средствами технологий для своего дальнейшего развития. При уменьшающемся желании других стран делиться передовыми технологиями со второй экономикой мира, захватившей 10% мирового экспортного рынка, Китаю потребуются затрачивать все больше и больше ресурсов на приобретение, разработку и применение нужных ему технологий. То есть если страны Запада уже сегодня имеют или разрабатывают технологии, которые составят основу нового технологического уклада (технологии продления жизни, искусственного интеллекта, биотехнологии, новые информационные технологии и др.), то Китай пока осваивает технологии в рамках существующего технологического уклада, покупая, заимствуя, развивая, совершенствуя те, что нужны ему для развития. Она из самых ярких иллюстраций этому — создание в 2010 г. в Китае самого быстроразвивающегося (по сообщениям мировых СМИ) суперкомпьютера в мире, собранного на основе импортируемых из США процессоров, сконфигурированных по схеме китайских инженеров-электронщиков.

Следующий вопрос, который возникает в этой связи: какова добавочная стоимость Китая (т.е. фактически стоимость локализованных компонентов) в той высокотехнологичной иностранной лицензионной продукции, которую он производит? Есть разные оценки. В целом добавочная стоимость Китая составляет при-

мерно 15%. Отсюда следует важность вопроса о занижении или завышении курса юаня. Если занижать юань — Китай повышает добавочную стоимость продукции до 33%. Соответственно увеличивается финансовый ресурс Китая, который можно направить на совершенствование технологической базы, модернизацию, включая военную и т.д. Однако начиная с 2001 г., несмотря на манипуляции обменным курсом, Китаю не удастся повысить добавочную стоимость продукции, произведенной по лицензии на территории Китая. В то же время повышение стоимости юаня на 20% снижает эту долю до 3% и сокращает дефицит США во внешней торговле с Китаем до 0,1% профицита Китая. В этом смысл полемики между США и КНР по поводу манипуляций обменным курсом юаня.

Для снижения внешнеполитического американского давления Китай может снижать экспорт, манипулировать импортом, а может перераспределять экспорт своей продукции между разными странами. Последние 2–3 года Китай использовал все эти способы. Постепенно он во внешней торговле со странами Запада переориентировался с США на ЕС и диверсифицировал свой внешнеторговый оборот. Все увеличивающаяся часть китайского экспорта шла в Гонконг, Корею, Тайвань, страны АСЕАН, причем через Гонконг, АСЕАН и другие страны происходило реинвестирование капитала внутрь Китая.

Статистика последних лет показывает, что 50% внешнеторгового оборота Китая в разные годы приходилось на долю ЕС, Японии и США, при этом доля внешней торговли составляла 70% (есть разные данные: от 40% до 70%, но 70%, судя по всему, ближе к реальности). В 2007–2008 гг. доля ЕС во внешней торговле КНР увеличивается с 18 до 25%, а к 2009 г. она начинает «плавать» в диапазоне между 27 и 35%, доля США при этом падает с 25 до 10%. Чтобы продолжать получать валюту от внешней торговли в том же количестве, как и раньше, Китай должен теперь свой экспорт перераспределять в другие страны (Африку, Латинскую Америку, Россию, Центральную Азию и т.д.).

При этом Китаю нужно продолжать поддерживать профицит внешней торговли с США и ЕС и реинвестировать финансовые ресурсы в американские казначейские обязательства, доллары и евро, чтобы поддерживать стабильность курса юаня. Китай не может не иметь больших резервов мировой валюты, иначе у него будет слабый или необеспеченный юань, с которым при неизменных внешнеполитических и внутривнутриполитических условиях нельзя проводить дальнейшую модернизацию страны. До последнего времени Китай не только продолжал политику мягкого усиления юаня, но и наращивал валютные резервы для того, чтобы ЦБ Китая реинвестировал эти деньги внутри страны, выпуская на этот объем *жэньминьби* (юань) для финансирования модернизации. Парадоксально, но факт — предрекаемое рядом аналитиков дальнейшее ослабление доллара приведет не к усилению азиатской и китайской роли в мировой экономике, а к девальвации валютных резервов азиатских стран и Китая, что поставит под вопрос азиатскую и китайскую модели развития и модернизации, т.е. повредит прежде всего и в первую очередь азиатским странам и Китаю.

В этой связи рост Китая сам по себе ничего феноменального в истории мировой экономики не представляет, так как в разные периоды мировой истории были страны, экономика которых росла примерно такой же срок с такой же скоростью. Самое главное ноу-хау архитектора китайских реформ Дэн Сяопина было достаточно простым, но очень эффективным: у него хватило политической воли и авторитета на практике, а не на словах добиться одновременного (дозированного и постепенного, но более или менее равномерного и непрерывно нарастающего) масштабного проведения политики открытости (*кайфан*) и внутренних реформ (*гайзе*) для населения всей страны, что получило название «социализма с китайской спецификой». Именно это, а не затуманивающие смысл дискуссии о преимуществах шоковой терапии или постепенности преобразований определило успех его курса. Интересно отметить, что

до имевшего в юности опыт проживания во Франции Дэн Сяопина в 1970-е годы эту идею реализовали политики европейских государств. Все они имели значительный личный кросскультурный опыт и собственный интеллектуальный потенциал и могли, опираясь на них, самостоятельно проверять предложения подобранных по политическим соображениям советников. Им соответственно и удалось провести политические и экономические трансформации одновременно (политическая и экономическая модель западных государств уже была в основном построена в 1930–1940-е годы), либерализовав экономики своих государств при военно-политической и экономической опоре на США, соединяя рыночную демократию с идеями прогнозируемого (модификация планового) развития и справедливости в концепции социально ориентированного рыночного государства (*well-fare state*), затем инициировав экономическую интеграцию внутри западной системы вплоть до образования ЕС и торговых блоков и затем, совместно с США, расширив сферу экономической интеграции, что подтолкнуло процесс мировой экономической, а затем и политической глобализации.

В свое время, творчески переработав теоретическое наследие Маркса и Ленина, Мао Цзэдун доказал, что можно осуществить революцию прогрессивистского типа в крестьянской стране, смыслом которой являлась политическая и экономическая консолидация насильственным путем. После этого с точки зрения развития марксистской теории и практики действительно можно было утверждать, что революционный центр переместился в Китай, а марксистские теоретики СССР «погрязли в ревизионизме». В СССР, который уже сумел насильственно консолидировать нацию (была создана политическая общность «советский народ»), провести насильственную индустриализацию и достигнуть военно-стратегического паритета с США, в это время решали задачи другого уровня — обеспечение мирного существования и дальнейшего экономического развития всей социалистической системы. Соответственно курс Мао

Цзэдуна был расценен как отход от мирового социализма, «истинный» смысл которого понимали только идеологи суловского марксизма-ленинизма, что усилило догматизм и надолго, вплоть до прихода М. Горбачева, провозгласившего «ускорение» и «гласность», заставило отложить идеи конкурентного развития и приближения к лидерам мирового развития (модернизацию). «Открытый» суловскими идеологами «закон» отсутствия при социализме материального устаревания обосновал идеологию застоя. Пришедший к власти М.С. Горбачев столкнулся с невозможностью осуществления «ускорения» в закрытой стране и провозгласил «гласность», которая должна была помочь легитимизировать его курс и повысить открытость страны. Дэн Сяопин, в свою очередь, доказал, что можно на основе внутриполитического консенсуса без насильственной мобилизации и опоры только на собственные силы, одновременно открывая страну внешнему миру и проводя внутренние реформы, осуществить модернизацию огромной отсталой страны с изначально принципиально отличной от мировой политической и экономической системой советского типа, заручившись неформальной поддержкой и экономически опираясь на США и страны Запада, но без обязательного вступления в военнополитический альянс с США. Как тут не вспомнить дэнсяопиновский афоризм по поводу выбора модели экономического развития: «Не важно, какого цвета кошка, главное, чтобы она ловила мышей». Только в таком разрезе и можно говорить сегодня о китайских горизонтах современной российской модернизации.

В этой связи следует отметить, что в России соединение внешней открытости и внутренних реформ пытались осуществить лидеры, имевшие личный опыт обычного (т.е. в качестве обычных граждан) проживания в других странах — некоторые члены династии Романовых (реформы П.А. Столыпина) и В.И. Ленин (НЭП), а потом и М.С. Горбачев, опиравшийся на высококвалифицированных советников. Однако этот курс не основывался на внутриполитическом кон-

сенсусе и не имел опоры на экономику государства-гегемона мировой системы или не находил его поддержки в силу внутриполитических причин, опираясь в основном на собственные ресурсы страны, которых всегда было катастрофически недостаточно, и к тому же быстро сворачивался по внутриполитическим причинам, основной из которых была боязнь повышения степени свободы населения собственной страны у традиционалистски настроенной части политической элиты, а часто также и не без участия внешнего фактора — держав-конкурентов, ревностно отслеживающих возможное усиление соперника.

Важно специально отметить, что фактически сразу же после событий на площади Тяньаньмэнь Дэн Сяопин еще раз подтвердил основной пункт консенсуса политических элит КНР: политика одновременного проведения открытости и реформ не будет свернута ни при каких обстоятельствах, а будет продолжена. Именно поэтому хотя страны Запада в целом и осудили методы силового подавления инакомыслия, примененные Дэн Сяопином и КПК на площади Тяньаньмэнь, и наложили на Китай экономические санкции, но эти санкции были достаточно быстро сняты, а Япония вообще не стала налагать на Китай никаких санкций, а продолжала финансово и технологически через программы помощи развитию помогать Китаю модернизироваться. В этой связи окончательное место Дэн Сяопина в китайской истории, осуществившего силовое подавление инакомыслия студенчества ради экономического благополучия и стабильности коммунистической политической номенклатуры и не попытавшегося, подобно Чжао Цзяну, понять мотивы лидеров студенческого движения, еще окончательно не определено самими китайцами, но оно в любом случае другое, чем место Г.И. Янаева.

При проведении китайской политики открытости и реформ специальные экономические зоны выступали дополнительным катализатором такого соединения: то, что не получалось реформировать внутри страны из-за политического со-

противления лево-традиционалистской части элиты или различных групп населения со своими эгоистическими интересами, директивно осуществлялось в специальных экономических зонах, количество которых было достаточно, чтобы апробировать разные региональные модели развития. Разработанные и апробированные в специальных экономических зонах меры, доказав свою пригодность для развития китайской экономики в целом, незамедлительно переносились внутрь страны и осуществлялись там при полном понимании результата от осуществления этих мер. Ради этого коммунистическая элита КНР в особых экономических зонах пошла на фактически полное отступление от идеологических принципов социализма.

В СССР и России эти два фактора (внешняя открытость и внутренние реформы) в действительности в равной мере по-настоящему так соединить и не удалось. Все реформы в России/СССР были вызваны очевидностью даже в полузакрытой или закрытой стране увеличивающегося отставания от лидеров мировой экономики и попыткой правящей элиты «подстегнуть» население либо силой (крепостное право, «вот тебе бабушка и Юрьев день», военный коммунизм, национализация, лагеря, насильственная модернизация), либо частичными, половинчатыми реформами, мобилизовав (т.е. заставив или жестко стимулировав, но при этом не убедив) его больше работать дозированными экономическими послаблениями при сохраняющейся высокой степени зависимости от власти (паспорта, прописка, ограничение собственности, запрещение владения собственностью в других странах, ограниченный пятью годами срок действия заграничного паспорта, контроль за обменом валюты, ограничения на вывоз валюты и т.д.). При этом результаты такой только в большей или меньшей степени насильственной мобилизации в России в целом для населения всегда были несправедливыми, за исключением очень коротких периодов, как правило, трагически заканчивающихся усилением внутренней реакции. Соответственно население всегда было либо в молчаливом сомнении по поводу окончатель-

ных намерений власти, либо в прямой молчаливой оппозиции ей по принципу: главное, чтобы не было хуже, а наиболее политически и экономически активная часть населения стремилась силой подтолкнуть власть к реформам, расшатав ее (декабристы, «Народная воля», анархисты, большевики, диссиденты), бежать на окраины (Дон, Сибирь, Дальний Восток) или эмигрировать из страны.

Китайские реформы в своей первоначальной основе были основаны на идее добровольного и полноценно вознаграждаемого (экономически и социально) высвобождения естественной экономической активности населения, получения результатов от реформ для всех (не в равной мере, конечно, но до последнего времени вполне рационального перераспределения благ), достаточно свободном при необходимости выезде и возвращении в страну (во всяком случае, для политической, экономической и интеллектуальной элиты), поддерживаемом не столько желанием власти дать свободу населению, сколько демографическим давлением, наличием альтернативного Китая — Тайваня и необходимостью поддерживать динамичный экономический рост, на котором держится последние 30 лет легитимность власти правящей партии КПК, а значит, необходимостью стимулировать естественную экономическую (но не политическую) активность населения фактически любыми мерами, напрямую не подрывающими власть. В этих условиях населению глупо было бы не принимать участие в реформах или эмигрировать без серьезной причины, так как это означало лишение себя экономического или социального вознаграждения в собственной стране. При этом даже эмиграция не являлась разрывом экономических и других связей с родиной, эти связи поощрялись самой властью, а особые отношения с диаспорой не подрывались даже во время «культурной революции». Такой курс на более зрелой стадии был закреплён в решениях 17-го съезда КПК под названием концепции научного развития и построения гармоничного общества (*хэсешэхуэй*).

Но если Китай растет больше 10 лет с такой скоростью, какую китайские официальные экономисты заявляют в официальной статистике, то китайская экономика непременно должна быть дефицитной. В то же время официальный дефицит Китая составляет примерно 2,8% ВВП (для сравнения: у США 77%, Японии 112% ВВП). Отсюда следует, что юань в целом все же скорее недооценен, чем переоценен. В этом главное противоречие и главная уязвимая сторона нынешнего экономического положения Китая, которая имеет существенные и пока трудно предсказуемые политические последствия.

Есть разные методики оценки, насколько юань реально недооценен. При дефиците 2,8% ВВП он должен быть недооценен примерно от 50 до 60% по отношению к доллару. При дефиците 1,5% — на 45%. В соответствии с расчетами по комплексной методике «behavioral equilibrium exchange rate» юань недооценен примерно на 5–13%. А если рассматривать стоимость юаня с точки зрения баланса внешней торговли, он переоценен примерно на 28%. Это значит, что если приводить в соответствие внутренние цены Китая с внешними ценами мирового рынка, то нужно девальвировать юань примерно на 20–30%. Результатом девальвации юаня в нынешних условиях даже на 10% будет дефляция. Поскольку в Китае низкий уровень инфляции, повысится количество «плохих» кредитов, станет происходить дополнительное перераспределение доходов в экспортные отрасли экономики. Однако при всех отрицательных последствиях этой политики Китай сможет осуществлять экономическую экспансию, конечно, если на это согласятся его торгово-экономические партнеры. Если девальвировать юань больше, чем на 10%, то возникнут последствия, которые были у СССР: начнет исчезать богатство страны, обесценятся активы, сократится потребление, сократятся инвестиции, произойдет резкое падение внешнего торгового оборота и переход на бартер, в результате чего практически невозможно избежать политических последствий такой экономической политики.

В этой сложной политико-экономической ситуации китайское руководство пытается реструктурировать банки, переклечься на внутреннее потребление, уменьшать неравенство. Китайские экономисты могут пытаться немного юань девальвировать, чтобы оживить экономику, но девальвировать юань в реальности очень сложно не только из-за внешних факторов, и прежде всего американского политического давления, но и из-за внутренних обстоятельств: после вступления в ВТО китайские крестьяне продают внутри страны продовольствие по ценам внешнего рынка. Эти цены привязаны к доллару, и если девальвировать юань, то в условиях поставляемой по соглашениям ВТО сельскохозяйственной продукции из других стран Китай получит неконкурентоспособное сельское хозяйство, снижение уровня жизни крестьян и волнения сельскохозяйственного населения (составляет примерно 57% населения страны, т.е. примерно 600 млн чел), т.е. политическую дестабилизацию. Ревальвация юаня хотя в целом и является невыгодной для экспортоориентированных отраслей, однако решает в краткосрочной перспективе по крайней мере одну важную политическую задачу: снижает на время вероятность нарастания недовольства крестьян.

С 1982 по 2002 г. профицит внешней торговли Китая составлял примерно от 1 до 1,5% ВВП, и в этом не было ничего необыкновенного по сравнению с другими странами. Однако после 2002 г. внешнеторговый профицит Китая стал расти быстрыми темпами. В 2003 г. он составил 2,8% ВВП, в 2004 г. — 3,6% ВВП, в 2005 г. — 7,2 %, в 2007 — 11% ВВП. Такой профицит внешней торговли в течение достаточно долгого времени — явление уникальное для крупной национальной экономики. Это предоставляет финансовые возможности решать задачи нового уровня: наращивать строительство инфраструктуры, повышать благосостояние народа и/или увеличить финансирование военных расходов. Решение основной политико-экономической задачи — источников прорыва к мировому доходу и

овладение Китаем этой новой возможностью — ключ к пониманию, почему за последние три-четыре года оживилась мировая дискуссия о том, что происходит в Китае. До этого такой возможностью в широких масштабах в течение долгого времени обладали США, снимавшие ренту державы-гегемона и печатавшие мировую валюту, и страны — экспортеры нефти. К слову, советская элита брежневского периода в свое время «нефтяной профицит» СССР попросту «проела» и омертвила в ВПК и проектах гигантомании, что в конечном счете привело к коллапсу всей советской экономической системы.

Две трети профицита своей внешней торговли с США Китай перенаправлял примерно пять-семь лет обратно в экономику США, покупая американские казначейские обязательства, так как надо было обеспечивать стабильность юаня. Оставшаяся треть валютного профицита внешней торговли шла внутрь страны, на эти деньги Китай и финансировал модернизацию, прежде всего обновляя инфраструктуру. Парадоксально, но в этой ситуации потребление населения падало, оно упало до 49% ВВП к 2008–2009 гг. При этом следует заметить, что на потребление в Китае шло до 60% ВВП в предыдущие годы (до 2002 г.). Одновременно накопление увеличилось до 46% ВВП. Этому есть объяснение: китайцы перестали тратить потому, что юань был переоценен, в этой ситуации население пыталось подкопить деньги, поскольку в целом в государстве одновременно происходило ослабление реальной политики социальной защиты. При таком развитии экономической ситуации для населения увеличивается неопределенность будущего, так как оно не может прогнозировать, как будет изменяться экономическая ситуация для каждого человека лично на достаточно долгосрочный период. Отсюда траты на путешествия, рестораны, товары повышенного спроса, и только в самое последнее время — на автомобили и недвижимость. Резко возросший спрос на недвижимость, по мнению некоторых экономистов, может выступать индикатором перегрева экономики и буду-

щего кризиса, связанного со сдутием «пузыря» цен. Последние полгода китайские экономисты активно административным путем способствуют снижению спроса на недвижимость.

В то же время китайская статистика зафиксировала рост сбережений. Семейные сбережения остаются примерно такими, как были, они составляют от 6 до 16% ВВП в зависимости от методики подсчета. С 2000 г. стали резко расти корпоративные сбережения: в 2000 г. они составляли 15%, а в 2007 г. — уже 26%. Корпоративные сбережения в условиях современного Китая — это доходы китайских государственных компаний. Эти компании за предыдущее десятилетие не стали более доходными, поскольку менеджмент в крупных государственных компаниях не стал кардинально эффективнее. Значит, вырос процент прибыли от доли ВВП, которую эти компании стали получать. Наиболее доходные государственные или акционированные, но с преобладающим государственным участием, компании занимаются сталелитейным и алюминиевым производством, производством цемента, машиностроением, химической промышленностью, находятся в разных отраслях нефтяной промышленности, черной металлургии, угольной промышленности, энергетики. Ростом этих секторов промышленности и соответственно прибылей в этих секторах производства и объясняется индустриальный рост Китая последнего десятилетия.

Эти компании стали производить больше продукции, 50% которой потребляется внутри страны. Другие 50% продукции идут на экспорт, но это на самом деле не «чистый» экспорт, а экспорт плюс отъем внутрикитайской доли у иностранных компаний (включая российские), которых выдавливают с китайского рынка и которым крайне сложно найти другие рынки сбыта в условиях мирового экономического кризиса и последовавшей за ним мировой рецессии.

Для преодоления кризиса и оживления экономики китайцы влили государственные деньги в инфраструктуру, в строительство, в недвижимость. Эти меры дали

хороший результат. Однако в этих сферах доминируют государственные или полугосударственные компании. Кроме того, в 2009 г. в КНР была проведена реформа, в соответствии с которой был сокращен налог на компании, которые покупают оборудование. С помощью такой меры китайские экономисты высвободили для китайских компаний примерно 120 млрд юаней, которые были направлены на технологическое перевооружение производства. В то же время для этой цели одних этих денег недостаточно, соответственно параллельно китайские власти стали стимулировать выдачу кредитов на строительство, обновление инфраструктуры. Но эти кредиты в Китае выдают государственные банки, т.е. государственные банки стали выдавать деньги государственным корпорациям. Объем выданных кредитов составляет примерно 1,3 трлн долл. США, или 8,9 трлн юаней. Одновременно китайцы 3 раза (2005, 2009, 2010 гг.) мягко ревальвировали юань (примерно на 2% каждый раз), уступая не столько внешнему давлению, сколько внутренней экономической и политической целесообразности.

В сложившейся ситуации внешне-го и внутреннего давления на юань национальной валюту можно укреплять, но в то же время сильно укреплять ее нельзя, так как это приводит к неконкурентоспособности китайских товаров на внешних рынках, потере доходов от экспорта и чревато серьезными внутриполитическими волнениями той части населения, которая занята в экспортоориентированных отраслях экономики. С целью оживления экономики национальную валюту можно было бы попытаться немного девальвировать, но это вызовет очередной взрыв негодования в США и других странах мира, политики которых и так давно говорят о нечестной манипуляции юанем и необходимости устанавливать протекционистские пошлины, направленные против китайской продукции, и одновременно нанесет удар по крестьянству.

Отсюда следуют два вида политики, которую проводят китайские власти в последнее время. С одной стороны, урбанизация, привлечение внутренних ин-

вестиций, повышение минимального прожиточного минимума населения, повышение пенсий, поддержка бедных, увеличение минимальной ставки оплаты труда, пособий по безработице, дотации сельскому хозяйству. Эти меры инициированы группой китайских экономистов и политиков во главе с Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао. Параллельно на фоне усиления государственных корпораций формулируется и другой курс: растут требования увеличения импорта энергоресурсов, усиления политики защиты от внешнего врага, особенно США, ужесточения внешнеполитической линии, усиления госкорпораций, уменьшения расслоения населения. Эти новые внутриполитические тенденции приводят к усилению влияния другой группы политиков («тайцзыдан» — группа «принцев» — детей китайских руководителей). Одновременно на эти новые внутриполитические тенденции единомышленники Ху Цзиньтао не могут не реагировать, они также становятся восприимчивы к предложениям об ужесточении внешнеполитической линии. Развитие событий внутри КПК в последнее время свидетельствует, что в силу ряда причин китайское руководство считает монетаристские способы решения существующих проблем малоперспективными, так как решение проблем прежде всего экономическими путями неизбежно потребует поиска нелегкого компромисса с Западом и осуществления политики политической модернизации, и уповает на дальнейшее усиление роли госкорпораций и ужесточение внешнеполитической линии. В это смысле для Китая «эпоха Дэн Сяопина» закончилась, и начался поиск новой, постдэнсяопиновской модели развития как самого Китая, так и его отношений с внешним миром.

Заключение. В настоящее время в условиях финансово-экономической и геополитической неопределенности следует объективная необходимость в дальнейшей диверсификации российской внешней политики и повышения от нее экономической отдачи для дальнейшей модернизации экономики страны.

Мировая финансово-экономическая и геополитическая неопределенность будут объективно способствовать формулированию более артикулированной и жесткой внешнеполитической линии Китая, а возможно, и усилению националистических акцентов в его внешней и внутренней политике, что, в свою очередь, может также способствовать интенсификации международного диалога по проблемам китайской модернизации и ее последствий для стран — партнеров Китая в торгово-экономической, политической и военно-политической области. Превращение Китая по размерам во вторую национальную экономику мира после США и самого большого национального экспортера в мире (10% мирового рынка) при одновременном замедлении темпов роста как в США, так и, скорее всего, в Китае потребует интеллектуальных, политических и дипломатических усилий для многих стран, чтобы приспособиться к этой новой ситуации. Китайская экономика становится слишком большой для слишком быстрого экстенсивного роста, а замедление экономического роста, даже при уровне урбанизации в 46%, что ниже, чем в Японии в середине 1970-х годов (55%), в Китае тем более вероятно, что в следующем десятилетии в ключевом сегменте трудовых ресурсов (35–55 лет) китайская экономика получит только 5 млн человек, в отличие от прошлого десятилетия, давшего приращение в этом сегменте рабочей силы в 90 млн человек. Одновременно замедление темпов роста в США и Китае, уменьшающее в краткосрочной перспективе вероятность силового столкновения между ними, может уменьшить, также в краткосрочной перспективе, и необходимость выбора между ними, а значит, сможет предоставить России новые возможности в переформатировании отношений в треугольнике США — Россия — Китай. Если страна сумеет рационально и динамично политически и экономически модернизироваться и не растерять при этом демографический потенциал, а власть сможет получить на осуществление этого курса поддержку всего населения и одновременно не антаго-

низировать мировое сообщество, то вероятно построить военно-стратегическое и научно-технологическое партнерство с США и ЕС при взаимовыгодном торгово-экономическом и энергетическом партнерстве со странами Восточной Азии. Тогда можно будет «опереться на Север, стабилизировать Юг, идти на Восток».

Внешнеполитическая линия России в контексте задач модернизации страны, судя по всему, может укладываться в такую формулировку: Россия — демократическое государство, имеющее особые отношения стратегической дружбы со своими соседями и строящая политику в соответствии со своими национальными интересами в полицентричном мире, из которых главный — рациональная ненасильственная модернизация страны при сохранении политического плюрализма, национального суверенитета, расширении политической и экономической конкурентоспособности. Отношения стратегической дружбы означают недопущение ухудшения отношений с соседями, усиление экономической интеграции, особое внимание к государствам, ранее входившим в состав СССР, и особенно со славянскими государствами. При проведении этого курса Россия не может не опираться на тесные партнерско-дружеские отношения с технологически, экономически и политически наиболее конкурентоспособными странами, из которых ключевыми являются США, ЕС, Япония. Особые отношения конструктивного взаимодействия у России со своим крупнейшим соседом — Китаем, который по экономическому потенциалу является первым среди равных среди сухопутных соседей России и который, так же как и Россия, проводит политику модернизации и открытости; демократической Индией, еще одной поднимающейся азиатской континентальной державой XXI в., и странами АСЕАН.

При проведении взаимовыгодных политических и торгово-экономических отношений, направленных на равномерное повышение благосостояния российского и других народов, не следует проводить ничего такого, что ухудшало бы положе-

ние России и ее населения, а в российско-китайских политических и торгово-экономических отношениях должны осуществляться в первую очередь те меры,

которые улучшают прежде всего положение России и российских граждан, желательно не ухудшая положения населения российских партнеров.